

Amina Gazizowa

«Зримый образ времени» : реконструкция давней записи беседы В.Г. Распутина с читателями

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 1, 227-239

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Amina Gazizowa

Moskiewski Pedagogiczny Uniwersytet Państwowy
Moskwa, Rosja

«ЗРИМЫЙ ОБРАЗ ВРЕМЕНИ». РЕКОНСТРУКЦИЯ ДАВНЕЙ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ В.Г. РАСПУТИНА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Ключевые слова: *восприятие/отражение реальности, автор и читатель*

29 марта 1979 года в Большом зале библиотеки имени В.И. Ленина (теперешнее название – Российская Государственная библиотека) состоялась встреча читателей с Валентином Григорьевичем Распутиным. Он только что вернулся из зарубежной поездки, был на пике писательской славы, ему две недели назад – 15 марта – исполнилось сорок два года. Искренние почитатели и исследователи его творчества плотно расположились в партере и на балконах Большого зала библиотеки, устроенного для значительных актов мероприятий. Все осознавали исключительность предоставившейся возможности видеть и слушать мастера прозаического слова, в расцвете сил ищущего верного пути в традиционной для русского писателя работе по эстетическому пересозданию и философскому осмыслению насущной реальности, исходя из универсальной аксиологии, своеобразно отпечатывавшейся в национальной картине мира. Когда Валентин Григорьевич появился в переполненном зале, нельзя было не радоваться, видя особенную распутинскую статью, изящество зрелой мужской красоты.

По сценарию встречи в начале её прозвучало несколько выступлений, вероятно, специально подготовившихся активистов. Их суждения я слушала невнимательно и ничего не записывала, но теперь вынуждена на них указать, потому что Валентин Григорьевич (в отличие от меня) выслушал их настолько внимательно, что неоднократно полемизировал с ними, разворачивая свои ответы.

О горячем и самом заинтересованном восприятии творчества и личности писателя свидетельствовал «дождь» записок, отвечать на которые было нелегко, но необходимо. С напряжённым вниманием, чутко следя за мыслью, интонацией, улавливая смысл редкого жеста, с удовольствием отзываясь на острое или открыто эмоциональное слово, слушали собравшиеся ответы на свои вопросы.

Хочу попросить читающих эту запись не пропустить такую характерную особенность ответов Валентина Григорьевича: даже там, где он не хочет отвечать прямо, а старается о чём-то умолчать, иные свои мысли скрыть, в нём

нередко пересиливает искреннее, глубоко эмоциональное отношение ко всему происходящему – и он (часто в заключительной фразе, через паузу) проговаривается.

Настраивая аудиторию на общение, Распутин произнёс вступительное слово:

– Вы пришли сюда в надежде услышать весомое и убедительное слово-откровение. Но я, наверное, разочарую вас, потому что выступать не умею. Я вообще стараюсь как можно меньше говорить, чтобы не расплескивать содержимое души. По моему убеждению, человеку дано что-то одно: или говорить, или писать. Хотя Виктор Петрович Астафьев, например, удивительный и рассказчик, и писатель, но это редкий дар.

Всё, что может сказать писатель людям о мире и о себе, – в его книгах. А если ему приходится что-то уточнять и объяснять на публике, пересказывая уже сказанное в книгах, значит он не сумел всё выразить, когда писал, а это уже плохо. И писателя должно знать по его книгам, а не по фотографиям. Слава Достоевского распространилась не через общение его с читателями, а через книги. И слава Тургенева тоже, хотя круг его общения был значительно шире, чем у Фёдора Михайловича.

Последовавшие затем вопросы и ответы я старательно записывала от руки – почти синхронно; затем, не откладывая в долгий ящик, перевела запись в машинописный текст и сохранила до сего дня. Решительных попыток опубликовать его не предпринимала, хотя неоднократно думала об этом, осознавая и важность, и интересность зафиксированного в нём материала. Наконец, 2009 году случилось мне сказать Валентину Григорьевичу о сохранившейся у меня записи его встречи с читателями тридцатилетней давности, и я, наконец, спросила, можно ли мне опубликовать их. Разрешение я получила, теперь вот и возможность представилась, которой я радуюсь и по объективным, и по субъективным причинам. Во-первых, пани профессор Данута Герчиньска защитила свою диссертацию о восприятии прозы В.Г. Распутина в Польше на нашей кафедре русской литературы и журналистики XX-XXI веков в Московском педагогическом государственном университете; во-вторых, профессор Галина Львовна Нефагина исследовала распутинскую прозу, посвящая ей разделы в своих книгах; наконец, обе они участвовали в творческом семинаре, проведённом у нас в 2007 году – в связи с 70-летием В.Г. Распутина. Я тоже неоднократно участвовала в международной конференции «Запад и Восток: диалог культур», которую проводит Институт Неофилологии Поморской Академии в Слупске; в одном из докладов (2006 год) я говорила о пушкинской теме в рассказе В.Г. Распутина «Женский разговор».

Этой публикацией мы продолжаем распутинскую тему. Не лишне подчеркнуть – публикацией исторического, раритетного материала, зафиксированного разговор писателя с читателями в 1979 году. Я воспроизвожу ход этого разговора в том порядке, который сложился во время встречи. Именно в этом порядке сохранилась атмосфера живого общения; искусственно выстроенная логика легко разрушила бы её.

– Какие проблемы Вас интересуют?

– Когда сажусь писать, то стараюсь нащупать «болевые точки», что гораздо важнее проблем. И слово это – «проблема» не люблю, такое оно канцелярское. Гораздо лучше сказать – «вопросы». Нужно поднимать самые острые, самые «больные» вопросы, даже если нет на них ответа. Очень важно в их решении быть как можно ближе к жизни, чтобы не вызвать у читателя ни малейшего подозрения в фальши, а подарить ему радость узнавания. Самое приятное для меня – услышать после написанной книги: «А где эта история произошла? Кто прототипы героев? Где они живут?». Хотя правда изображённого понимается иногда весьма неожиданно для меня. *Я очень удивился*, услышав сегодня от одной из выступавших, что *Последний срок* – это повесть о воспитании детей.

(Нужно остановиться на последней фразе, чтобы в словах «очень удивился» проявить смысл не общеупотребительный, а особый – распутинский. «Удивление», «удивляться» – любимые слова Распутина. И взглядом он очень умеет выразить своё удивление, вернее, само удивление очень открыто выражается через него. И оттенок у этого удивления – особый, старинный. И смысл удивления, и его оттенки неподражаемо передаёт слово Дарьи – «дивля»).

Современное понимание удивления иное, более поверхностное, облегчённое, отстранённое от предмета разговора. Поэтому не раз во время воссоздаваемой беседы с читателями в Ленинке Валентин Григорьевич оговаривал вкладываемый им в слово «удивляться» смысл: «Я в хорошем смысле, с хорошим чувством удивился»).

Не раз упрекали меня за то, что я в повести *Живи и помни* сделал дезертиром сибиряка, говорили, что это несправедливо по отношению к героически сражавшимся землякам. Я уже говорил не раз о том, что писал эту вещь ради Настёны, чтобы наиболее полно проявился её характер. Для неё выбрал я и эту ситуацию, и такого героя. Даже если бы дезертиров среди сибиряков не было (а они были, и этого нельзя оправдать), но читатели всё-таки поверили бы мне, моей повести, моя цель была бы достигнута, потому что хороший читатель всегда видит больше, чем есть в книге: он многое домысливает, *дочувствует*. Главное для меня было убедить читателя в правдивости происшедших событий, *сделать факт художественного вымысла фактом реализма*. Достоинство всякого произведения этим и определяется: есть в нём реализм или нет, есть в нём правда или нет. Этому учит нас русская классическая литература.

Сегодня выступающие говорили, что классики могли бы позавидовать расцвету советской прозы, приближали мои книги к классическим образцам. Это, конечно, не так. Классики выше нас. Пушкин, Тютчев, Фет, Л. Толстой, Достоевский, Чехов – это вершины, которых мы не достигли, и сейчас идёт спуск с них. Нам не дано поднять вечные вопросы так, как это умел делать Достоевский. Никому из современных писателей не дано достичь глубин и высот человеческой души, знаемых Достоевским. Другое время, другой читатель рождает другого писателя.

Моя проза – традиционная, основное питание она получает от Достоевского и Бунина. Я вышел из них. У Бунина восхищаюсь живописью словом, удивив-

тельным деревенским языком – такой едва ли есть и будет у современных писателей. Сложнее моё отношение к гению Льва Толстого, он не так близок мне.

Очень тревожная «болевая» точка – наш язык. Он становится средством информации, а не средством общения и взаимопонимания. Мы все переходим на усреднённый, казённый, какой-то «консервный» язык. Более того, мы ищем вместо языка другие способы для понимания.

Валентин Катаев в одном из телевизионных выступлений упрекал так называемых деревенщиков за диалектизмы. Но, следуя правде жизни, нельзя моим Анне и Дарье дать полугородской язык: исчезнет самое главное – доверие читателя. Да и старухи забунтуют: не надо мешать им жить своей жизнью, им нужно давать *побольше свободы в поведении и речи*. Своеобразный говор моих героинь создавался исторически, бытийно, его не спутаешь с волжским, среднерусским, но он довольно близок вологодскому и архангельскому, так как Сибирь заселялась из тех мест. Слово Анны и Дарьи – главное средство общения с читателем, главное средство их характеристики, воплощения их первобытной мудрости. Ничего не стоит, встретив незнакомое слово, заглянуть в словарь Владимира Ивановича Даля и обогатить своё представление об истинно народном языке ещё одним ярким впечатлением. К тому же у меня своя система мышления, свой подход к героям, и ломать это не надо.

Я не согласен с делением писателей и читателей на городских и деревенских. Наверное, это делается для удобства критики. Но лично для себя не вижу ничего плохого в том, что стою в почётном ряду с Фёдором Абрамовым, Евгением Носовым, Виктором Астафьевым, Василием Беловым. Именно деревенская проза обратила внимание всех к проблемам нравственности, основа которой – связь с корнями народной жизни; именно она в полный голос сказала о той опасности для человеческого в человеке, которую несёт в себе НТР – научно-техническая революция.

Мы понимаем под прогрессом только НТР, только науку и технику и считаем такой взгляд исключительно передовым и не консервативным, хотя забываем о главном назначении всякого знания: быть приспособленным к человеческой пользе. Мы всё привыкли мерить цифрами, но сущность человеческой души, её воспитание ничем не измеряется... А уже Аристотель, предупреждая, говорил, если идти вперёд только в знаниях, значит отставать в нравственности.

– Что бы Вы сделали, если бы были государственным деятелем?

Я, прежде всего, не позволил бы затопить Матёру. И сотни, и тысячи других сибирских деревень. Я глубоко убеждён: нельзя транжирить землю, мы не вольны с ней так поступать, не имеем права. Так вытраивается душа человека, её сущность, и эти потери ничем не восполнимы. Нельзя бездумно и отрешённо бежать вперёд и вперёд, даже если впереди – пропасть, руководствуясь лишь искушением заглянуть в неё, стоя на её краю... А если кто толкнёт?

Люди как бы испытывают себя перед лицом лжепрогресса, объявляющего, что есть движение только вперёд или назад, а в сторону – нельзя. А по сторонам – стены, что ли, стеклянные?

Но сколько бы человек ни бежал, ни торопился, ни колесил по свету в поисках впечатлений и разнообразия, перед лицом смерти он вынужден обращаться

к первоначальному, извечному в себе как к откровению. А мои старухи *всегда* живут перед лицом вечности и потому *постоянно* в них ощущение высокого человеческого предназначения и долга, служения.

У меня очень глубокий интерес, особое отношение к деревенским старухам еще и потому, что я много размышляю над тем, что должно быть в современной женщине от бабы. Она сейчас стремится отказаться от всего бабьего, даже истребить его в себе – и зря. Это очень ей вредит, она меняется не в лучшую сторону. Тут и вина мужчин: они охотно и как-то безвольно позволили ей заступить на своё место. Вот и получилось, что стало теперь слишком много женщин и совсем мало баб. *А истинная и высокая нравственность коренится только в русской деревенской бабе.*

Если внимательно читать мои книги, то можно увидеть, что этот женский характер я и пишу. *Анна, Дарья, Настёна, Мария – это одна и та же женщина, с одной философией жизни.*

– Дошла ли до Таньчоры телеграмма о смерти матери? Приедет ли она на похороны?

– Я считаю чтение книги не удовольствием, а трудным размышлением над большими и нелёгкими вопросами человеческого существования, поэтому в первых повестях финалы оставлял открытыми. Мне очень важно оставить читателя наедине с его мыслью, с его нравственным и жизненным опытом в поисках разрешения конфликта. Поэтому и развитие линии Таньчоры я оставил за границами повести, чтобы читатель без авторского вмешательства, без предуготовленного расставления по полочкам сам её логически завершил. Причём эта завершённости не может быть однозначной и строго определённой.

В *Днях для Марии* я оставил Кузьму перед воротами городского дома брата, позволяя каждому читателю решить, дадут ли ему денег. Если вы считаете, что Кузьма их получит, значит вы добры, а если думаете, что – нет, значит жизнь научила вас другому.

Теперь я уже не буду пользоваться приёмом открытого финала, надо искать другие решения.

(Хотелось бы вспомнить в связи с этим, что у нашего преподавателя, доцента Виктора Арамовича Мамонтова, было другое понимание финала в этой повести. Именно в то же, давнее время он говорил так: «Кузьма остановился в сомнениях, набираясь решимости переступить порог дома брата, и пошёл густой снег, и прописались последние слова повести: “Молись, Мария!”. Снег – добрый знак Божьей благодати, милости, помощь Кузьма получит. И с первых же минут несчастья нужно было искать её у Бога, молиться о защите». Добавлю к этому, что в 1980 году В.А. Мамонтов оставил вузовскую работу, выбрав путь православного священнослужителя и достиг высокого духовного сана).

– Где Вы родились? И откуда Ваша фамилия?

– Я родился в деревне, в двухстах километрах от Иркутска. Там было две деревни Распутино. До семнадцати лет я и не знал, что моя фамилия каверзная. Когда я попал на первый семинар молодых писателей и мои рассказы были одобре-

ны, мне предложили старшие и уважаемые мной писатели сменить фамилию. Вначале я даже задумался, не согласиться ли. Но потом *решил раз и навсегда: лучше писателем не быть, чем отказаться от дедовской фамилии.*

– **Для чего Вы пишете?**

– Не знаю. Точнее, так: утром – знаю, к обеду – сомневаюсь, а вечером – не знаю, для чего пишу.

Мы пишем, чтобы люди стали лучше, меньше думали о вещах. Мы стараемся использовать малейшую возможность нравственного воспитания, эмоционального воздействия на читателя, воздействия чувством, когда высекаешь слезу. Когда я пишу, я *стараюсь не удивить знанием, а удивить чувством, пронзительностью, обыкновенной человечностью.*

– **Считаете ли Вы «Живи и помни» наиболее характерным своим произведением, достойным Государственной премии?**

– Мне всё равно, за какое произведение быть отмеченным Государственной премией. Мне дороги и ранние мои рассказы особенно обострённым эмоциональным чувством. С возрастом становишься опытнее, больше знаешь, но уходит эмоциональность, и это жаль.

Я бы себе дал премию за «Последний срок» всё-таки...

– **Сочувствуете ли Вы Андрею Гуськову?**

– Конечно. Очень плохо оказаться в его положении. Мне жаль его и потому, что в нём есть хорошие человеческие качества. По моему убеждению, нет людей только отрицательных и только положительных, в каждом есть и то, и другое. Поэтому отрицательного героя нельзя писать одной чёрной краской. *(И после вдумчивой паузы добавил):* Теперь нельзя.

– **Сознательно ли Настёна приняла Андрея?**

– Сознательно. Да.

– **Будете ли Вы ещё писать о войне?**

– Нет, Я не воевал. А впрочем... зарекаться нельзя.

– **Отстает ли городской рабочий в нравственности от крестьянина?**

– Нет, конечно. И не надо противопоставлять и сопоставлять таким образом горожан и крестьян. Главное качество городского и деревенского жителя, определяющее его сущность, – одно: надо, чтоб в нём была надёжность, чтоб он крепко стоял и на него можно было бы опереться.

– **Собираетесь ли Вы написать что-либо помасштабнее, чем повесть?**

– Есть мера силы писательской, которая и определяет, кто что напишет. Анатолию Иванову, например, по плечу масштабные произведения. Моих сил сейчас хватает на повесть.

Считаю неправильным признание заслуг и авторитета писателя в зависимости от объёма написанных книг. И всем нам понятно, что это не так.

Нужно признаться, что в моей деревне меня признали писателем лишь полтора года назад (в 1977-м?), когда я привёз свою толстую книгу, а до того никак не хотели признавать.

У нас удивительный читатель, он расхватывает и охотно читает даже толстые книги, хотя мы все сейчас очень заняты, времени на все дела не хватает... Может быть, и потому я пишу *небольшие повести* – для современного занятого человека.

– **Как Вы относитесь к экранизациям своих произведений?**

– Давно, в начале своего пути писателя, я сделал сценарий по повести *Деньги для Марши*, был задуман фильм. Но по очень курьёзному случаю снимать его не разрешили. Те, от кого зависело решение – снимать или не снимать, – обратили внимание на странное совпадение одиозных для советского сознания фамилий: писатель *Распутин*, снимает кино *Романов...* (*Аудитория, конечно же, отреагировала шумно-весело, оценив по достоинству ироничную рефлексию Валентина Григорьевича на чиновничий запрет съёмки фильма и глупую мотивацию запрета*).

А теперь я понял, что не хочу работать для кино.

(И всё-таки, мы знаем, кинофильмы по повестям В.Г. Распутина сняты и отмечены как зрительским вниманием, так и кинонаградами¹).

– **А как же телефильм «Уроки французского»?**

– Это - исключение, особый случай, такие попадания не часты. Его снял удивительный режиссёр, а героя сыграл прекрасный мальчик, изведавший уже суровые уроки жизни: он воспитанник детдома.

– **Какие у Вас отношения с театром?**

– Театр очень привлекает меня массовым гипнозом зрителя, особой, ни с чем несравнимой атмосферой непосредственного, сиюминутного отклика на мысль автора пьесы, на его переживания, легко возбудимой и яркой эмоциональностью, исторгающей слезы радости и горя. Но переложение прозы для театральной сцены мучительно. Она очень многое теряет безвозвратно. И прежде всего то, что нельзя остановиться, подумать над текстом, понаслаждаться точно найденным словом.

Чтобы обойтись меньшими потерями, я для театра всё делаю сам. Я традиционалист, и мне нужен традиционный театр, такой, как МХАТ, поставивший

¹ Фильмы по произведениям В.Г. Распутина: *Рудольфио*, 1969, Ленфильм, СССР. Режиссер: Динара Асанова, Альгимантас Видугирис. Сценарий: Динара Асанова. Актеры: Юрий Визбор, Елена Наумкина, Виктор Шульгин; *Уроки французского*, 1978, Мосфильм, СССР. Режиссер: Евгений Ташков. Сценарий: Евгений Ташков. Актеры: Михаил Егоров, Татьяна Васильева, Галина Яцкина, Валентина Талызина; *Прощание*, 1981, Мосфильм, СССР. Режиссер: Лариса Шепитько, Элем Климов. Сценарий: Лариса Шепитько, Элем Климов. Актеры: Алексей Петренко, Лев Дуров, Майя Булгакова; *Василий и Василиса*, 1981, Мосфильм, СССР. Режиссер: Ирина Поплавская. Сценарий: Ирина Поплавская, Василий Соловьев. Актеры: Михаил Кононов, Ольга Остроумова, Наталья Бондарчук, Майя Булгакова; *Рудольфио*, 1991, Россия. Режиссер: Татьяна Преснякова. Актеры: Людмила Артемьева, Дмитрий Брускин, Ирина Климова.

Последний срок. Но постановки меня не удовлетворяют всё-таки. В одном из театров *Последний срок* настолько формально поставлен, что на сцене всё наоборот: где у меня любовь, у них ненависть, где у меня правда, у них – ложь.

И всё же с театром я расставаться не хочу, может быть, напишу оригинальную пьесу. Одно знаю твёрдо: переключивать прозу для сцены больше не буду. Происходят слишком большие потери, а это – измена читателю.

– ***Как Вы относитесь к творчеству Шукшина?***

– Когда я говорил о питании своего творчества, я назвал классиков. Это основное питание. Но ещё я получаю его с самых разных сторон, и от Шукшина тоже. Я очень люблю его; он мой земляк. Я люблю его и за то, что самое главное его слово – воля! Свой роман он так и назвал *Я пришел дать вам волю*. Это очень важно понять: не свободу, а – волю, причём в старом, русском понимании, в человеческом. Люблю его за то, что он стоял всегда за Нравственность, Правду, Народ. Люблю за его чудиков, за того особенно, который каждую субботу топил баню, хотя изруган за это всеми – от начальства до жены. Мне нравится упорное сопротивление общепринятому: как хотите, а я буду делать по-своему... Да я и сам такой.

А ещё я люблю Шукшина за его прекрасный язык...

Интересно у него отношение к женщине. Он делил их на матерей и жён. Воспевая и возвышая женщин-матерей, он ненавидел женщин-жён. В этом легко убедиться, читая его книги. Хотя в таком взгляде есть и противоречие: ведь жена становится матерью. Тогда как?

– ***Помогает ли Вам писать любовь?***

– Да. Любовь ко всему: к небу, земле, людям. К женщине у меня отношение особое, я уже не раз говорил об этом. Да, я женат, однажды и на всю жизнь. Считаю так же невозможным менять жену, как отрубить себе палец. Мужчина не должен оставлять раз избранную им женщину.

– ***Как Вы оцениваете свой рассказ «Рудольфио»?***

– Он написан двенадцать-тринадцать лет назад. Это необычный для меня городской рассказ. Его я продолжаю печатать и теперь, хотя многие другие – нет, уже не печатаю.

– ***Почему хорошая литература рождается на периферии, а не в столице?***

– Считаю такое впечатление неверным. Василий Шукшин, Юрий Бондарев, Георгий Семёнов – очень хорошие писатели, и они москвичи. А в Сибири, например, не так уж и много хороших писателей, по её масштабам их должно быть куда больше.

– ***Как Вы относитесь к Шолохову?***

– Очень хорошо отношусь. Он – классик советской литературы.

– ***Как относитесь к современной поэзии?***

– Люблю поэтов, которые тяготеют к традиционной поэзии. Андрей Возне-

сенский, например, удивляет (в очень хорошем смысле этого слова), но не волнует. Быстро забываю, что читал.

– **Над чем Вы работаете?**

– Я не могу ответить, над чем работаю. Работаю очень медленно, часто перехожу к другому от уже начатого, так как обнаруживаю, что это не самая большая боль. Плохо, когда человек оказывается между городом и деревней: ушёл из деревни, но не стал городским. Это я и пытаюсь сделать. Как-то я сказал, что пишу городскую повесть о любви, а теперь оставил её...

(Ответ на этот вопрос развёрнут как раз в характерной для писателя манере: сначала уход от трудной темы, затем – после паузы – раздумчивое и поясняющее возвращение к ней и, наконец, признание в тайне авторских исканий).

Когда закончилась беседа со всем залом, началось индивидуальное общение В.Г. Распутина с читателями: автографы и снова - вопросы, вопросы, вопросы... В терпеливом ожидании своей очереди каждый продлевал время счастливого прикосновения к тайне писательского дара и человеческого очарования Валентина Григорьевича.

Запись реконструирована в сентябре 2010 года.

Прошло двадцать два года после записанной мною встречи В.Г. Распутина с читателями, и в марте 2001 года, тоже в месяц рождения, Александр Исаевич Солженицын наградил его своей именной премией. В это время на нашей кафедре проходила стажировку коллега из Пекинского университета иностранных языков профессор Ся Чжунсянь – почитательница творчества Валентина Григорьевича. Она получила у него согласие на краткий письменный диалог, передала ему вопросы и получила драгоценные машинописные ответы, собственноручно им напечатанные и подписанные. Эта заочная беседа, переведённая Ся Чжунсянь на китайский язык, была опубликована в Китае, она тоже способствовала развитию творческих отношений Распутина с китайскими издателями и читающей публикой. Предоставляю возможность читателям польского научного журнала «Polilog», издаваемого в г. Слупске, познакомиться и с этим ритетным материалом.

Уважаемый Валентин Григорьевич! Поздравляем Вас с получением премии, присуждаемой А.И. Солженицыным. Искренне этому рады, пусть премия поможет Вашей творческой работе. Искренне благодарим за согласие ответить нам на вопросы. Мы будем очень кратки:

1. Скажите, пожалуйста, что Вы сами думаете о начале своего литературного труда? Как Вам писалось?
2. Какое место в Ваших творческих планах отведено читателю? Вы думаете о нем?
3. Ваша гражданская, политическая, партийная позиция вызывает уважение. Она помогает Вам писать книги? Или мешает?

4. Вы ощутили действенность Вашего публицистического слова? Когда именно?
5. Вы всё чаще и в прямых высказываниях и в сочинениях – художественных и публицистических – опираетесь на православную аксиологию. Это обусловлено поиском Духовного Пути?
6. Российско-итальянская премия *Москва-Пенне* в 1996 году подтвердила, что московская молодежь не только читает Ваши книги, но и отдаёт им предпочтение. Как это произошло?
7. Награждение премией А.И. Солженицына укрепило Вашу творческую и гражданскую позицию?
8. Что хотите написать в будущем? Что пишете сегодня?
9. Произведения каких писателей выбираете для собственного чтения? Кто из писателей Вам особенно близок?
10. Что бы Вы посоветовали перевести для китайской читающей публики из Вашей новой прозы?

1. После окончания Иркутского университета я работал в молодежных газетах, сначала иркутской, затем красноярской. А это – больше половины Восточной Сибири. Много ездил (в то время наш край гремел такими стройками, как Братская, Усть-Илимская, Красноярская, Саяно-Шушенская гидроэлектростанции, железная дорога Абакан-Тайшет), много писал об этих стройках. Тогда было принято восхвалять добровольцев, прибывающих в Сибирь издалека, а коренной сибиряк оставался в тени. Но я сам коренной сибиряк, и мне это казалось несправедливым – то, что сибиряка не замечают. Чтобы сказать о своих земляках, требовалось перо более серьезное и глубокое, нежели журналистские очерки. Так появились в начале 60-х годов мои первые рассказы. Самые первые были подражательные, и я их не печатаю. Примерно с середины 60-х я постепенно отыскал свой голос, без вычурностей и красивостей, вернулся к своему языку, каким говорили вокруг меня, и взял в герои людей, рядом с которыми жил в деревне. Писать сразу стало легче.

2. Цели и задачи своего писательства вижу в том, чтобы не развлекать читателя и не дурить его пошлостями и поверхностным всезнайством, не «поражать его в сердце» «героическими» непристойностями, вроде криминальных и постельных сцен, а пытаться сделать читателя лучше, любить его, разговаривать с ним, как с братом и сестрой, которым не можешь желать зла, возвращать ум сердечный.

Должен признаться, что российская литература вот уже лет десять самым массовым потоком взяла противоположное направление – развлекать, пугать, держать читателя на наркотической «игле» душераздирающих историй. Никогда еще наша литература не опускалась в своем качестве и в своем учительстве так низко, как теперь. И называть ее «нашей» надо с большими оговорками и со стыдом. Лучшие русские писатели этим путем, разумеется, пойти не могли, но читают их теперь мало.

3. Если говорить о публицистике – она была «охранительной». Много чего пришлось охранять и защищать в то время – природу и деревню, памятники истории

и культуры, народное творчество и русский язык вместе с его диалектами, течение Волги и сибирских рек, которые собирались поворачивать вспять, Байкал и Арал, национальные традиции и обычаи... Я вовлекся в эту нескончаемую и изнурительную общественную работу и потерял годы. Была ли она полностью бесполезной? Хочется верить, что нет. Но теперь, спустя десятилетие и больше, впечатление такое, будто мы выстраивали свои оборонительные укрепления перед горой с нависшей с нее огромной лавиной. И вот она, эта лавина, сошла с горы и погребла под собой большую часть наших трудов.

В те же годы писалась и повесть *Пожар* – и тоже публицистически, с обнаженностью и горячностью. Я работал над нею, ощущая приближение катастрофы, которая началась с объявления «перестройки». Когда работал, оставалась еще надежда, что, предупреждая о катастрофе, быть может, удастся ее предотвратить (а предупреждением тогда была не только моя повесть), но оказалось, что дальше оповещения о беде действие литературы не пошло. И не могло, разумеется, пойти: общество уже было отравлено дурманящими ветрами вседозволенности.

4. Хотелось немедленного действия слова – такого, например, как после одной из моих статей о Байкале, когда была создана Государственная комиссия по Байкалу, в которую был включен и я. Повторю: я в то время с головой и ногами ушел в общественную работу. Однако в это же время, во время «паузы», была написана книга очерков о Сибири, которая далась мне трудно, потому что она потребовала и многократных поездок в разные концы Сибири, и работы в библиотеках и архивах. Но, быть может, самое главное в моем тогдашнем настроении объяснялось правилом, которому я стараюсь следовать и теперь: если писатель может не писать, он не должен писать. Если же «семя» засеяно и наступает состояние, сродни беременности, ничто, кроме уж совсем исключительных случаев, не может помешать вынашивающей работе.

5. Да, конечно. Я не вижу сейчас другой силы, которая способна была бы собрать русский народ вместе и помочь ему выстоять в невзгодах, кроме Православия. Только оно позволяет встать выше партийных и групповых интересов, раздирающих сегодня едва ли не всякое общественное движение. А самое главное – церковь спасает человека духовно, дает ему смысл жизни, делает гражданином не «рыночной», а исторической России. «С Богом все переборем» – наша старая истина. У русского религиозного мыслителя и поэта XIX века А. Хомякова есть прекрасные слова:

*Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе.
Высший подвиг – в терпенье,
Любви и мольбе.*

6. Российско-итальянская премия *Москва-Пенне* ежегодно присуждается литературным жюри за публикации предыдущего года с каждой из сторон (российской и итальянской) трем прозаикам. Это первый этап присуждения. На втором этапе абсолютный победитель выявляется общественным жюри из четырехсот студен-

тов и учащихся старших классов московских школ. Происходит это после публичного обсуждения произведений финалистов и тайного голосования. После долгого перерыва, в 1996-м году я получил совершенно случайно за рассказы 1995-го года премию *Москва-Пенне*. Соперники были довольно серьёзные: Людмила Петрушевская и Фазиль Искандер. Они принадлежат к передовому литературному направлению, а меня принято относить к направлению вчерашнему, реалистическому, и Бог знает к какому ещё. Таким образом, московская молодежь проголосовала за меня. Это было и неожиданно, и приятно. Стало быть, она поддается развращению меньше, чем этого хотелось бы «реформаторам». Да и голосование в последующие годы на новых церемониях присуждения этой премии подтвердило, что не больно-то молодой читатель клюет на приманки новой литературы.

(Нельзя здесь умолчать о том, что большую часть молодой аудитории, проголосовавшей за победу Распутина, составляли именно студенты филологического факультета нашего университета, чем мы по праву гордимся и благодарны Валентину Григорьевичу, что он о нас не забывает).

7. Премия Александра Солженицына, одна из самых авторитетных сейчас в России, в прошлом году, когда лауреатом стал я, присуждалась в третий раз. Она дается за совокупную работу в литературе, так сказать, за вклад в литературу. Там тоже есть жюри, но понятно, что решающее слово принадлежит самому Александру Исаевичу. Он же на церемонии награждения произносит слово о лауреате. В нынешнем, 2001 году, премия А.И. Солженицына в конце апреля будет вручена одному из самых лучших русских прозаиков старшего поколения – Евгению Носову.

8. Не знаю. Не люблю говорить о том, чего еще нет.

9. Пришлось бы называть очень и очень многих и наверняка не назвал бы и половины. Люблю читать и выделяю из всего писательского мира ярко национальных авторов, пишущих о своем народе и в совершенстве владеющих всем инструментарием изображения его духовной и нравственной жизни. Только тогда такие авторы интересны всему человечеству.

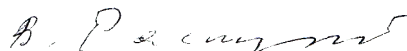
Всегда помню об Александре Вампилове. Мы учились вместе на филологическом факультете Иркутского университета (он был на курс младше), работали затем в одной газете, примерно в одно время пришли в литературу. Дружили вместе, не мешая друг другу, искали уединения для работы, читали друг другу написанное. С Вампиловым дружить было легко, он был чрезвычайно талантлив не только как писатель, драматург, но и как человек – общительный, щедрый, остроумный, готовый искать приключения. Легко распознавал в людях неискренность, двоедушие и порывал с такими. Переписывал свои пьесы, добиваясь совершенства, по многу раз, готов был ходить, когда и где только мог, на все репетиции, чтобы добиваться такого же совершенства в постановках. Искал и находил в людях и обстоятельствах самобытность и неординарность и сам обладал ими. Скоро исполнится тридцать лет, как нет Александра Вампилова, но я до сих пор размышляю о том, как относиться к его ранней, в тридцать пять лет, гибели

– как к непреходящей трагедии или как к счастливому уходу в вечность в немеркнущем образе талантливого драматурга и прекрасного человека.

10. Знать и любить прежде всего родную литературу, не позволять никому портить свой здоровый вкус и ценить в книге, как и в человеке, доброту и красоту.

март 2001

Валентин Распутин

Summary

“The visible image of time”.

Reconstruction of a talk between Valentin Rasputin and his readers

The author of the paper acquaints readers and professional philologists with a recording made on March 29, 1979 in the Great Hall of the Russian State Library in Moscow where a meeting between the Russian writer Valentin Rasputin and his readers was held. She wrote down the questions of the audience to the writer and his answers to them which represent valuable historical and literary material now the significance of which has increased for more than 30 years. The recording was reconstructed in September 2010. It reproduces the order of the answers and questions that took place during the meeting, which helps feel the atmosphere of living communication and a happy touch to the mystery of Valentin Rasputin’s literary talent and personal charisma.

A certain continuation of communication with his audience is recorded in a short written dialogue between the writer and professor «Ся Чжунсянь» from Beijing Institute of Foreign Languages who was awarded the Solzhenitsyn Prize in March 2001. The talk was translated into Chinese, published in a magazine and delivered to the writer immediately. This paper presents the first publication of the material in Russian.

Key words: perception/reflection of reality, the author and the reader